

В. А. Шульц¹

КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО: КОНФЛИКТЫ И РАЗВИТИЕ

Франкфуртская школа, позднейшим представителем которой являлся Ю. Хабермас, являлась внутренне противоречивым, неоднородным направлением в западном общественном знании. Развиваясь на протяжении нескольких десятилетий, она прошла значительную эволюцию, в ходе которой менялись ее принципы, цели и общественно-политические функции. Возникнув в 20-е годы XX века и просуществовав как теоретическое и организационное целое до 1960-х годов, Франкфуртская школа оказала большое влияние на развитие западной общественной мысли, ее форм и методов. Кризис и организационный распад школы не повлекли забвения ее идей, напротив, они получили определенное распространение не только в Европе, но и в США. С чем связан этот феномен?

Во-первых, с тем, что ключевой проблемой Франкфуртской школы являлось отношение к марксизму. Она прошла огромную эволюцию

именно в этом пункте, превратившись из течения, черпавшего определенные идеи и положения из диалектического и исторического материализма, во вполне самостоятельное направление западной социальной философии. Тем не менее, на Западе порой отождествляли Франкфуртскую школу с течением, развивающим марксизм: о ней говорили как о неомарксизме, западном марксизме и т. д.

Во-вторых, сохранявшийся и, возможно, увеличивающийся интерес к критической теории общества связан с деятельностью Юргена Хабермаса, которого при жизни его учителя Т. В. Адорно относили к среднему поколению франкфуртцев, а после его смерти стали причислять к наиболее значительным представителям школы.

Подобная критическая установка является продолжением традиции Франкфуртской школы, в частности взглядов Т. Адорно. Однако эта функция должна быть тесно связана с анализом капиталистического общества, и в этом Хабермас также следует традиции школы. В свое время ее основатели заявляли, что их целью является всестороннее изучение буржуазного общества². Эта тенденция отчетливо прослеживается у Хабермаса. Его первые работы «Студент и политика» (1961), «Структурное изменение общественности» (1962) и последующие — «Наука и техника как идеология» (1967), «Проблемы легитимации позднего капитализма» (1973) так

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, заместитель президента РАН, директор Центра исследований проблем безопасности РАН, научный руководитель Высшей школы современных социальных наук Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Философия Ю. Хабермаса», «Общество и социальные изменения», «Теория и практика экономики и социологии знания», «Власть. Экономика, политика, культура», «Терроризм в современном мире», «Основания консолидации современного российского общества. Социологические аспекты» и др. Член Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ. Главный редактор журналов: «Информационные войны» и «Национальная безопасность». Награжден орденом Почета.

² См.: *Jay M. Dialektische Phantasie: Die Geschichte der Frankfurter Schulung des Institute für Sozialforschung. 1923–1950. Frankfurt am Main, 1976. S. 4–7.*

или иначе связаны с рассмотрением современного состояния капиталистического общества.

Хабермас отмечал, что тот, кто применяет выражение «поздний капитализм», имплицитно утверждает, что в государственно организованном капитализме общественное развитие протекает «противоречиво» или «кризисно»¹. Таким образом, в центре внимания Хабермаса оказываются прежде всего кризисные процессы современного капитализма и причины, их породившие. Для теории «позднего капитализма» Хабермас в качестве основных формулирует следующие вопросы. Могут ли потенциалы конфликта и апатии приобрести масштабы, угрожающие системе? Возникают ли из политически опосредованного отношения труда и капитала тенденции к сплочению рабочего класса и конституированию классового сознания? Почему проблемы легитимации (оправдания) в позднем капитализме стали важнейшими?²

Характеризуя экономическую систему современного капитализма, Хабермас отмечал возрастание роли государства, которое начинает заполнять «функциональные бреши» рынка. Эта тенденция становится доминирующей и вносит изменения в экономическую, административную, легитимационную системы капиталистического общества. Утверждается, что общественный сектор может функционировать независимо от рынка в своих инвестиционных решениях. Все равно, идет ли речь о предприятиях, непосредственно контролируемых государством, или о частных фирмах, которые существуют за счет государственных заказов. В административной системе, указывал Хабермас, произошли серьезные изменения по сравнению с периодом классического капитализма. Государственный аппарат регулирует общеэкономический цикл с помощью глобального планирования. Государство замещает механизм рынка и создает благоприятные условия для функционирования капитала посредством организации сверхнациональных блоков экономики, развития космической и военной промышленности. Этому способствуют такие меры, как совершенствование материальной (транспорт, здравоохранение, жилищное строительство, городское и региональное планирование) и нематериальной инфраструктуры (финансирование научных исследований), повышение производительной силы человеческого труда (всеобщая система образования, профессионального обучения, программы переквалификации), снятие социальных и реальных издержек частнокапиталистического производства (пособия по безработице, благотворительность).

Отсюда следует, что капитализм «институционализирует» производительные силы, то есть обеспечивает им долгосрочное развитие. Растущая комплексность капиталистической системы требует постоянного расширения «мощностей управления» и,

¹ См.: *Habermas J. Zur Rekonstruktion*. Frankfurt am Main, 1976. S. 304.

² См.: *Habermas J. Theorie und Praxis*. Neuwied, 1963. S. 14.

как следствие этого, усиливается роль государства в жизни общества. Государство влияет на конъюнктуру, развитие инфраструктуры, создает предпосылки для совершенствования капиталистического способа производства. Тем самым государство определяет пограничные условия, рамки, в которых осуществляется частнопредпринимательская деятельность. Все это, по мнению Хабермаса, означает, что в капиталистическом обществе экономика теряет свой примат, а общественная жизнь — «капиталистическую динамику».

Существующее в условиях «позднекапиталистического» общества «социальное государство» резко меняет, считает Хабермас, и характер классовых отношений.

Введение рабочего и социального законодательства, правовая институционализация тарифных конфликтов и других вопросов, связанных с занятостью населения, значительно снизили остроту классовой борьбы. Даже если труд носит отчужденный характер, считает Хабермас, то он компенсируется либо «гуманизацией» рабочих мест, либо увеличением денежного вознаграждения.

Государство посредством социальной политики возмещает слабые рыночные позиции отдельных категорий трудящихся (рабочих, покупателей, квартиросъемщиков). Такая политика направлена не только на преодоление социального неравенства, но и на поддержку «экологически важных» сфер транспортного сообщения, охраны ландшафта, здравоохранения.

В результате, заключал Хабермас, конфликты по поводу распределения уже не имеют взрывной силы, классовые структуры анонимизируются и затухают. Парадоксальным образом, с одной стороны, продолжается процесс накопления капитала, с другой — происходит снятие классовых конфликтов.

Все системы современного капитализма направлены на то, чтобы удержать вероятный конфликт в скрытом состоянии: «В наше время, — пишет Хабермас, — начиная со Второй мировой войны в самых прогрессивных капиталистических странах удается удерживать классовый конфликт в своей сути в латентном состоянии; конъюнктурный цикл продлевается во времени, и периодические скачки обесценивания капитала переходят в инфляционный длительный кризис с мягкими конъюнктурными колебаниями, наконец, дисфункциональные побочные явления экономического кризиса фильтруются и рассеиваются в квазигруппах (потребители, ученики и их родители, пассажиры, больные, старики и т. д.) или в частных группах с малой организационной градацией»³.

Все это ведет к тому, что тождество классов распадается, а классовое сознание «фрагментируется». Возникают новые конфликты, например, несоответствие между современной военным аппаратом (и производством) и системами транспорта, образования, здравоохранения, между естественным

³ *Habermas J. Zur Rekonstruktion...* S. 310.

ростом городов и регулированием налоговой и финансовой политики¹.

Хабермас отмечает две трудности, вытекающие из включения государства в «функциональные бреши» рынка. Во-первых, это кризис рациональности, когда административной системе не удается выполнить императивы управления, которые она переняла от экономической системы. Во-вторых, кризис легитимации, когда легитимационной системе не удается поддержать требуемый уровень лояльности масс. Государство, которое берет на себя все возрастающий объем управления, должно лавировать между интересами отдельных капиталистов, всего класса капиталистов и остального населения. Вот здесь и возникает кризис легитимации, который Хабермас раскрывает как кризис мотивации. Последний понимается как «разногласие между потребностью в мотивах, с одной стороны, и предложением мотива социокультурной системой, с другой стороны»². Иными словами, Хабермас трактует кризис системы мотиваций как несоответствие между мотивами и потребностями индивидов и возможной компенсацией их со стороны государства. Административные решения принимаются относительно независимо от конкретных потребностей и целей граждан государства. В результате капиталистическое общество теряет свою идентичность.

Исходя из этого, Хабермас подвергает критике марксистское понимание роли современного капитализма.

Прежде всего фиксируется гносеологическая неэффективность марксистской теории. Хабермас выделяет четыре социальных факта, которые, по его мнению, не может объяснить марксизм. Во-первых, это преодоление разрыва между государством и обществом, типичное для эпохи раннего капитализма, его «либеральной фазы». В настоящее время он ликвидирован посредством взаимопроникновения, и потому «государство и общество перестают находиться в классическом отношении надстройки и базиса»³. Во-вторых, уровень жизни в передовых капиталистических странах, по Хабермасу, настолько вырос, что отчуждение потеряло свою экономическую форму. В-третьих, из предшествующих пунктов следует, что пролетариат утрачивает свою роль носителя будущей социальной революции. Революционное классовое

сознание не конституируется уже в ядре рабочего класса, а потому «всякая революционная теория лишается при этих обстоятельствах своих адресатов»⁴. В-четвертых, не укладывается в марксистские рамки анализ реального социализма.

Известная формулировка, данная Марксом в предисловии к «Критике политической экономии», не удовлетворяет Хабермаса так же, как и основные трактовки этой проблемы в марксистской литературе: Плеханова, Энгельса; Адлера, Лабриолы; наконец, Лукача, Корша, Адорно. Долгое время в марксистской литературе существовало, считает Хабермас, чисто экономическое понимание соотношения базиса и надстройки. В соответствии с ним каждое общество может быть расчленено на частные системы, которые располагаются иерархически: экономическую, социально-политическую, социокультурную. Согласно этой концепции, процессы высших частных систем детерминируются низшими системами (в смысле причинной зависимости). Это означает, что экономическая система определяет возможное развитие других частных систем. Однако марксистская концепция базиса и надстройки, считает Хабермас, носит ограниченный характер, так как, во-первых, показывает зависимость надстройки от базиса только для критических фаз развития общества, когда оно переходит на новый уровень развития; во-вторых, она не в состоянии объяснить возрастающую роль государства в экономике и других сферах общественной жизни в условиях научно-технической революции. А между тем теории постиндустриального общества констатируют такое состояние, при котором эволюционный примат переходит от системы хозяйства к системе образования и науки.

Общество использует самые различные институты для организации социальной жизни, в том числе и элементы надстроечных явлений. Однако из этого еще не следует, что они приобретают значение основных структур определенного способа производства.

При изучении социальной эволюции привлечение понятий «производительные силы» и «производительные отношения» дает определенный эффект. Однако, по его мнению, диалектика производительных сил и производственных отношений часто понимается в техницистском смысле. В историческом материализме производительные силы и производственные отношения не развиваются независимо друг от друга, они образуют структуры, которые: а) соответствуют друг другу, б) дают в итоге конечное число структурно-логических ступеней развития, так что в) получается логически развитый, организованный ряд способов производства.

Развитие производительных сил, полагает Хабермас, скорее разрешает, но не вызывает переворот в производственных отношениях и эволюционное обновление способа производства. Большие внутренние сдвиги развития, которые привели к возникновению первых высоких культур или к возникновению европейского капитализма, имели не условием, а следствием развитие производительных сил.

¹ Подобный вывод приводит Хабермаса к следующей классификации общественных движений в ФРГ: 1) антиядерное и экологическое; 2) движение за мир (включая тему конфликта Север—Юг); 3) движение гражданских инициатив; 4) альтернативное движение (занятие домов, альтернативные проекты, сельские коммуны); 5) движение меньшинств (старика, гомосексуалисты, инвалиды); 6) молодежные секты и группы помощи жизни; 7) религиозный фундаментализм; 8) движение протеста против налогов; 9) движение протеста родительских союзов; 10) движение сопротивления «модернистским» реформам; 11) женское движение; 12) интернациональные по значению автономистские движения, борющиеся за региональную, языковую, культурную, конфессиональную самостоятельность. (См.: *Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt am Main, 1981. Bd. 2. S. 578.*) Как видно, в этой классификации не нашлось места для организованного рабочего движения.

² *Habermas J. Zur Rekonstruktion... S. 321.*

³ *Habermas J. Theorie und Praxis. S. 228.*

⁴ *Ibid. S. 229.*

Таким образом, остается неясным, как осуществляется переход от одного способа производства к другому. Попытка объяснения этого перехода через понятия социального конфликта и классовой борьбы означает, что это только описательный, дескриптивный подход. Лишь аналитический

ответ может объяснить, почему общество осуществляет эволюционный шаг и как следует понимать то, что социальные битвы в определенных обстоятельствах ведут к новым формам социальной интеграции и вместе с тем — к новому уровню развития общества.